



ПОСЛЕДНИЙ В РОДУ ВЫБИРАЕТ
ПОПАДАНКУ

Алиса Атлас

Последний в роду выбирает попаданку

<https://litres.ru/73061573>

SelfPub; 2026

Аннотация

Руи Дорн последний в древнем драконьем роду. Его жизнь стоит больше, чем вся Эскадра-де-ла-Гард, на которую он сбежал от придворных интриг. Чтобы спасти драконий род, король объявляет принудительный отбор невест.

Дракон в бешенстве.

Но для попаданки сопровождение претендентки - отсрочка сожжения на костре, или свадьбы с неграмотным кузнецом. Надо лишь стать невидимкой.

Мне нужно время чтобы выиграть в раунде, где ставка жизнь. И где шанс для последнего в роду девушка, которой в его мире вообще не место. Тем более, что эта девушка я, и у меня с Дорном есть общий секрет.

Это роман о том самом маге с флагмана знаменитой Эскдары-де-ля-гард, побратиме Эдгарда Росса и последнем в драконьем роду. Все, кто ждали - ловите.

Несколько трагических страниц Руи Дорна здесь . Книги совершенно самостоятельные. Читаются отдельно!

Содержание

Новости на мою голову	4
Выкручиваться, и больше ничего	9
Голова на плечах	14
План	19
Хоть куда	25
Сборы	31
Дорога в поместье дракона	36
Битва за покои	43
Я верю в вас, барон	48
Боевое крещение	53
На ужин	59
Битва в нише	66
Первый ужин	72
Голод	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Алиса Атлас

Последний в роду выбирает попаданку

Новости на мою голову

Иногда вам кажется, что жизнь будет идти неспешно. Завтрашний день будет похож на вчерашний. И это не зависит от того, были ли вы накануне счастливы. Просто рутина не даёт покоя. Но потом приходят они, и жизнь переворачивается с ног на голову.

В этой истории будет именно так)))

В доме барона Фердинанда Ленорта был полный бардак. Не как всегда — из-за ссоры барыни с поварихой. Какой-то особенный. Он пах не вымоганием денег на новое платье или заколку, а отчаяньем.

Баронесса Бланш Ленорт действовала мудрее. Она заблаговременно сделала вид, что упала в обморок «от чувств». А муж не успел. Он было двинулся к выходу из гостиной, но дочь преградила ему путь.

При этом барышня Жюли, наша юная хозяйка, ревела в три ручья. Слёзы реально лились на лиф её платья со скоростью весенней капли. Я даже замерла, изучая внезапный феномен.

Жюли Ленорт размахивала красивым бумажным свитком, тесня отца вглубь комнаты, и причитала на неприятной высокой ноте, в духе восточных плакальщиц.

— Не поеду! Ни за что! — выла она. — Он же драко-о-о-он! Драко-о-о-он!

Баронесса, находясь в глубоком обмороке, шевельнулась, устраиваясь на диване удобнее. Значит, тоже не ждала быстрого разрешения скандала.

— Дура! Это приглашение от самого короля! Поедешь без разговоров! — Упорствовал барон.

— Не поеду-у-у-у! — выла Жюли.

— Поедешь! — Фердинанд не сдавался.

Барон продолжал тактическое отступление вглубь гостиной, специально выбрав путь мимо дивана, на котором возлежала супруга. Он хотел «нечаянно» пнуть её ногой, но та заблаговременно согнула колени.

— Не поеду-у-у-у! — голосила Жюли.

— Отказаться — значит навлечь беду на всю нашу семью!

Приказы короля не обсуждаются!

Мой мозг, который за три года в этом дурацком мире научился работать как калькулятор, тут же начал выбирать факты из потока сознания. Что мы имели?

Король потребовал отправить Жюли к дракону. Она запаниковала и воспротивилась. Отказаться нельзя, потому что это испортит репутацию семейства.

Сейчас они с титулом и скромным денежным доходом, а что будет после протеста? Потеря дворянства, имущества, репрессии? Вопрос неоднозначный.

Я рефлекторно почесала лоб и откинула в сторону прядь длинных каштановых волос, которые не успела собрать в пучок. При этом с тихим стуком задела косяк своей тонкой рукой с остатками прошлогоднего загара.

— Ну, наконец-то! Вот и Анна явилась! Мы за тобой послали, а ты не торопилась приступить к обязанностям?

Барон сверкнул в мою сторону с облегчением. Его супруга и вовсе «пришла в себя». Она уселась на диване, без устали обмахивая себя веером. Мне пришлось войти в комнату и присесть с почтительным поклоном.

— Прошу прощения, господа. Вынуждена была задержаться в кузне. Договаривалась о приведении в порядок копыт лошадей и починке кованной решётки балкона.

— Успешно? – тихо уточнил барон.

— Безусловно, – сдержанно ответила я, не поясняя, что переговоры затянулись из-за задержки оплаты предыдущей работы.

Ленорт кивнул. Он ценил во мне тактичность и способность решать проблемы, а не создавать новые. В бытность администратором загородной базы отдыха, я и не такое мог-

ла.

Хотя тогда мне казалось, что самое страшное – битва отдыхающих с местными рыбаками за мангал. Но проблемы одной отдельно взятой семьи знати были куда серьёзнее. А я теперь от них зависела буквально во всём.

Тут не имело значения моё высшее образование в сфере гостеприимства. Титула и звания у меня не было. Оставалось работать экономкой и продолжать уворачиваться от предложений «пройтись» простого, как полено, кузнеца.

А ещё я поняла, что работая экономкой, буду решать даже личные проблемы баронской семьи. И прямо сейчас, Ленорт молча кивал в сторону рыдающей дочери, не отрывая от меня взгляда.

Я вздохнула и уточнила:

— Случилось-то что?

— Вот что!

Подвывая на одной ноте и потряхнув своими светлыми кудряшками, Жюли сунула мне в руки свиток. После этого, словно потеряв разом все свои силы, она рухнула в кресло, а я развернула послание.

У меня от предчувствия неотвратимой беды похолодели руки.

Дорогая бумага, сложная массивная печать на сургуче. Идеальный каллиграфический почерк. Я скользила по строчкам, выбирая главное. Дойдя до середины, возмущённо подняла глаза на баронскую семью.

— Да он же не на поедание к дракону приглашает! Фу, ты! Напугали! – фыркнула я.

Бланш выпрямилась на диване, Жюли перестала выть, нервно икнув.

— На какое поедание? Что у тебя в голове, Анна? Король прислал приглашение Жюли конкурс невест! Конкурс невест для графа Руи Дорна!

И Жюли снова пронзительно заверещала, закатывая свои голубые глаза:

— Анничка, родненькая, спаси меня от этой поездки!

Выкручиваться, и больше ничего

— Цыц! – прикрикнула я на баронскую семью, и они замолчали прислушиваясь.

Когда я только появилась в доме барона Ленорта, Бланш с Жюли частенько устраивали крики по малейшему поводу. И чтобы избежать наказания за то, что цыкнула на них, мне пришлось соврать.

Я наговорила, что это такая бытовая магия. После «Цыц» надо срочно замолчать и прислушаться. В этот момент можно различить подсказку небес. И теперь даже сами спорщики могли кричать «цыц». Это было смешно.

Зато к моим странным советам они потом прислушивались охотнее. Думали, что мне открылась истина. А мне логика открылась и математика с физикой. Чего в этом мире явно не хватало.

— А почему надо избегать поездки, если никто никого есть не собираются? Разумеется, кроме пожирания взглядами, – уточнила я, и Бланш, помешанная на своей внешности, милостиво кивнула.

— Страшно, – шмыгнув носом ответила Жюли.

— А чего бояться? Он же дракон. Значит, ценен для короны. Тем более граф. Уж куда лучше. Или вы мечтаете породниться с королём?

— Чтоб тебя! – рывкнул барон, озираясь по сторонам. –

Семья монарха неприкосновенна! Разве в этом дело? Дракон – завидный жених. С ним можно прожить безбедную жизнь.

— Тогда почему Жюли ещё не сидит в экипаже, подгоняя возницу, а рыдает и просит расстроить поездку?

Ленорты переглянулись. Дочь поджала губы, Бланш спряталась за веером. Снова пришлось отдуваться отцу.

— Да непонятный он какой-то. То ли дело Россы. Потомственные флотоводцы. Понятно чего ждать, в какую сторону брюки гладить. Далласы с их пьяными загулами тоже при штабе. А как случится что – наш дом рядом. Уж единственную дочку, кровинушку нашу, в обиду не дадим. Даже Томсоны, – Бланш рвано вздохнула за веером, а Фердинанд недобро зыркнул в её сторону, – с его любовью к женской красоте – понятный. А Дорн – неизвестная драконья величина. Знаменитый род поисковиков пути. Но когда погибли его отец и брат, бросил магическую академию. Заперся в поместье на три года. А после смерти матери вдруг был принят на Эскадру-де-ла-Гард. Но снова не как офицер. После знаменитого похода и победы над Вековечным штормом был награждён, и снова тишина. А теперь вот внезапное – отбор невест. – Он жалобно посмотрел на супругу. – Уж и не помню, когда их объявляли в последний раз? И отказаться невозможно, и как принять-то?

Фердинанд всплеснул руками. Шмыгнул носом. Мне его стало жалко. Я снова развернула пергамент.

— Тогда попробуем взглянуть на вопрос под другим уг-

лом.

— Что? – не понял барон.

— Посмотрим в другое окно. Значит, что мы имеем? Вы не хотите участвовать в отборе невест. Но дракон, судя по всему, не хочет этого конкурса ещё больше. Остальные сами выбирают себе невест и не устраивают этот цирк с конями.

— Че-го? – не поняла Жюли.

— Это представление дурацкое. Значит, этого вашего Руи Дорна вынудили проводить отбор невест, и вы с ним в одной лодке. Он ваш союзник по несчастью.

Семейство барона снова переглянулось. Теперь уже с надеждой во взглядах.

— Но это же страшно! – Кукольное личико Жюли исказила гримаса ужаса. – Я ни разу не была на таких приёмах! Я опозорюсь!

— А тут мы переходим к следующему пункту. На отбор приглашены не менее двадцати семи девушек.

— С чего вы это взяли? Сплетни? – грозно прищурился Ленорт.

— Выданный вами документ. Видите? – я развернула свиток сильнее и протянула вперёд нижний правый угол. – Здесь стоит номер 27, значит, до вашего были подписаны 26 приглашений, и бояться нечего. В толпе из 27 невест легко затеряться. Это нам на руку.

— Но ведь все это увидят! – не унималась Жюли.

— И пусть видят! Что написано в документе? – я скольз-

нула взглядом по идеально ровным строчкам. – Вот! От тебя требуют «явиться и участвовать». Ни слова о выигрыше, влюблённости и прочем нет. Значит, надо продумать, как, выполнив формальные требования, тихо и незаметно проиграть. Потому что требования победить в приглашении нет.

Я победно покачала свитком, словно волшебной палочкой.

— Но я всё равно боюсь ехать! – теперь Жюли была просто расстроена, а не в отчаянье, как в начале разговора.

— И тут успокою. Та-та-та, вот где! – я ткнула в самый низ приглашения. – «Явиться вместе с одним сопровождающим женского пола». Так что одна не останешься, будешь с матушкой или тётушкой Эммой, или кого вы там выберете. Ещё уезжать оттуда не захочешь. Так что, не печальтесь, собирайте вещи, согласно требованиям. А я пойду на кухню, поговорю с поваром о закупке молока.

Я снова присела с поклоном, вручила свиток барону и потопала, шлёпая разваливающимися от старости и частого использования туфлями, к двери. Я уже потянулась к ручке, когда меня догнал голос Ленорта.

— Анна, — меня догнал голос Ленорта. Он понизил его до доверительного шёпота, в котором слышалась сталь. — Забудьте про тётку Эмму. Вместе с Жюли на отбор невест поедете вы. И это не просьба. Это — единственная возможность сохранить твою тайну.

От неожиданности, я едва не упала, споткнувшись на ров-

НОМ месте.

Голова на плечах

Фраза барона полоснула по мне огненной плетью. Он не предлагал, не уговаривал, он вынес вердикт, которого я не могла послушаться. Не имела возможности оспорить, не раскрыв свою тайну.

Мне стало холодно. Голова закружилась. Мир на секунду поплыл перед глазами, и чтобы не упасть, я схватилась за дверной косяк. Но нашла в себе силы переспросить:

— Я? — мой тихий голос прозвучал чужим и хриплым. — Господин Ленорт, я всего лишь экономка. Я не справлюсь с возложенной ответственностью. У меня нет манер и образования. А на отборе возможно присутствие монаршей особы. Я не смогу помочь Жюли проявить себя лучшим образом.

— Зато есть голова на плечах, а это главное, — резко оборвал меня Фердинанд. Его взгляд, обычно устало-добродушный, стал острым, безжалостным и расчётливым. Таким, каким я видела его всего дважды в жизни: когда он нашел меня три года назад на обочине дороги в моей «странной» куртке, и сейчас. — Жюли растеряется. Ей нужна толковая компаньонка, которая поможет дочери сориентироваться и вести себя подобающим образом. Выглядеть достойно.

— Вот именно! Я не знаю особенностей здешнего, эээ... региона. У меня нет ни подобающего имени, ни даже одежды. Жюли нужна знающая и разбирающаяся в местном эти-

кете госпожа. Родственница. Для этого хорошо подходят мать или тётушка. Чтобы направили, посоветовали, сориентировали в поведении на отборе.

Барон нетерпеливо отмахнулся.

— Бланш? — он скользнул взглядом по супруге и поджал губы. — Она зна-а-ет и так сориентирует, что вне зависимости от результата отбора, мы будем праздновать свадьбу. А уж с драконом, стражником или конюхом, это будет не столь важно.

Бланш раздражённо фыркнула. Но, судя по тому, что при всей своей демонстративности, спорить не стала, были прецеденты её легкомысленного поведения.

— Тётушка Эмма? Она весьма строгих правил и не допустит взбалмошности.

— Это точно. — Барон вздохнул. — Эта уморит Жюли ещё до выезда. Заставит шагать по плацу и будет отчитывать за каждую секунду опоздания. На отборе и без того будет полно забот. Зачем нашей детке дополнительные трудности?

— Тётушка Рози? Мне она показалась милейшим созданием. Эта не обидит Жюли. Будет сдувать с неё пылинки. Холить, лелеять и кормить.

Судя по мечтательной улыбке, дочери барона эта идея нравилась. Но по тому, как поджал губы Ленорт, его она не вдохновляла.

— С тётушкой Рози можно отправлять Жюли только при одном условии, что их будут обслуживать и охранять ещё че-

ловек 5-7. Потому что с ней хорошо только мёд есть у камина. А если завязка ослабла, завтрак задерживается или колесо у кареты отвалилось, всё. Можно вычёркивать Жюли из списков участников отбора. Они обе будут просто плакать. А, как я понимаю, суть мероприятия вовсе не в этом. И помни, что тайны иногда становятся явью.

У меня теперь не только руки похолодели. Видя упрямство, с которым барон отстаивал свою идею, у меня заledenело внутри. Боязнь разоблачения, было петлёй, которую я носила на шее все эти годы, ощутимо сжалась тугой болезненной удавкой.

Мой рюкзак, джинсы, футболка и мёртвый телефон до сих пор лежал где-то в кабинете барона под замком. Они были моим поводком. Гарантией послушания в любой ситуации.

— Но вы же сами толкаете меня к раскрытию тайны! Здесь ко мне привыкли и не задают вопросов. Приезжая со странностями. А там будут новые люди. Много новых людей. И среди них будут именно те, от кого мне хотелось бы держаться подальше!

— Вот и держись! Вернее, обе держитесь. Так у вас будет дополнительный повод сидеть тихонько и не высовываться. Нам скандалов ни с драконами, ни с Его Величеством не надо.

Мы скрестили взгляды. Барон смотрел на меня в полной уверенности, что я не откажусь. Но мне было гораздо страшнее раскрыть свой секрет, чем препираться с Ленортом.

— Но если они узнают, кто я такая, и у вас будут проблемы!

— Вот и скажи мне, Анна, что надо сделать, чтобы не попасться?

В моей голове сами собой начали всплывать вопросы будущей поездки и опасности, с ней связанные.

— Мне нужно больше сведений. Нужен список всех приглашённых и их сопровождающих. Любая информация об имении графа Дорна: план поместья и расположения комнат. Если найдёте, слухи об управляющем. Портрет самого дракона. История семьи, службы.

— Он не служит, его взяли вольнонаёмным на военный фрегат.

— И причина этого тоже нужна! А ещё привычки, характер, распорядок дня, предпочтения в еде и прочем, – расплывалась я, активно жестикулируя.

Бланш и Жюли смотрели на меня, раскрыв рты и кивая головками с белокурыми локонами в такт моим жестам. Было ощущение, что они были музыкантами оркестра, которым я дирижировала.

Но когда я подняла взгляд на барона, увидела совершенно другую реакцию. Он смотрел на меня цепко, изучающе. А когда я замолчала, припечатал, словно подсекая рыбу на крючок.

— Вот всё это ты нам и расскажешь перед поездкой, Анна. Так что собирайся с мыслями, найди информацию и под-

готовъ план, которому вы с Жюли будете следовать в поместье Дорнов.

План

Я злилась. На себя, на этот дурацкий мир, в котором даже кофе не было. Не то что капучино, а даже центрального водоснабжения и электричества. Не было стиральной машинки и таблеток от головной боли.

Но больше всего меня сейчас выводил из себя барон. Ленорт, который шантажировал и заставил меня искать сведения, которые я сама же у него и попросила, казался исчадием ада. Местным его вариантом.

Мне хотелось огреть здешнего своего благодетеля свитком с сургучной печатью. Но я не решилась навредить человеку, на которого Бланш с Жюли смотрели, как на волшебника. Хотя от желания расправы даже руки зачесались.

— Я постараюсь найти сведения, — выдавила я, глядя куда-то в район его жилетки. Протестовать дальше было бесполезно и опасно.

— Отлично, — Ленорт кивнул, и в его взгляде мелькнуло удовлетворение хищника, загнавшего дичь. — Я постараюсь помочь, чем смогу. Вместе добудем всё необходимое.

«Добудем»! Он это сказал так же буднично, как «купим хлеба». В этом мире информация была товаром, посерьёзнее всего остального. Я надеялась, что у барона остались связи, чтобы этот товар найти.

Спорить было бесполезно. Я кивнула и вышла, ступая по

зыбкому, как мне показалось, полу. Дошла до своей тесной каморки и спряталась от посторонних глаз, чтобы поразмыслить, что же теперь делать.

Как и при любом происшествии, у меня прибавилось работы. Помимо бесконечных будничных взять, починить, купить, надо было стать детективом с примитивными инструментами поиска информации.

Я начала с расспросов почтальона, кучера, старой кухарки – любого, кто хоть что-то слышал о Дорнах. Слухи были скудными и противоречивыми: «род знатный, но проклятый», «поместье запущено», «граф молчалив и нелюдим».

Последнее было, по мнению местных, хуже всего. Тот, у кого «сердце чистое» и «кому прятать нечего» всегда на виду. Здешние аристократы даже бумаги подписывали не в кабинете поместья, а выходили «в салоны» – подобие коворкингов.

А Руи Дорн не выходил. Он или мотался по морским просторам на флагмане Эскадры-де-ла-Гард, или запирался в поместье Дорнов. В столицу не наезжал. В массовых мероприятиях не участвовал.

И по местным меркам это было хуже, чем пьяница, дебошир, или даже урок. Потому что тот, о котором нечего сказать, вносил смятение. Заставлял почувствовать себя неполноценными, а, значит, его подозревали в худшем.

И через три дня мы собрали небольшое совещание. Выложили списки участниц и полученные сведения. Я переби-

рала листы, пытаясь собрать сведенья воедино.

— Значит, древний род. Угасающим не был. Но во время войны с Пустынниками погибли сразу и отец Ноланд, и брат Гаспар. Хотя служили они в подразделениях на разных концах границы. Но ведь так не назначают драконов? Руи был несовершеннолетним, значит на передовой мог находиться только один из взрослых Дорнов. Чтобы оставшийся в живых мог продолжить род. Правильно, или я чего-то не понимаю?

Я подняла глаза на барона, а он пожал плечами и отвернулся к окну.

— Так-то оно так. Но в этой истории больше вопросов, чем ответов. Отец накануне должен был покинуть войска, а сын заступить. Но вышла накладка. Ноланд задержался, а Гаспар приехал немного раньше. Они даже не увиделись, потому что находились на расстоянии сотен миль. Но погибли, судя по воспоминаниям очевидцев, почти в одно и то же время. — Барон задумчиво потёр подбородок и поморщился. — Мутная история.

— Бывают же случайности? — сказала я, перебирая исписанные листы.

— Но Дорны маги! Драконы! Это самая могучая сила королевства. Один дракон может выстоять против большого отряда с магами! А тут такое! — Ленорт раскинул руки в стороны и растерянно покачал головой. У него был вид человека, которому сказали, что Дед Мороз не существует. — Это немыслимо!

Я пожала плечами. Барон замер у окна. Выводы делать было рано. Пока надо собирать информацию.

— А потом Руи Дорн ушёл из магической академии. Не вернулся к обучению ни в этот год, ни на следующий. Верно?

— Да. — Ленорт снова ожил. — После похорон Руи Дорн не вернулся даже за вещами. Их потом высылали однокурсники. А барон, тогда Дорны носили баронский титул, даже не приехал попрощаться и объясниться. Канул в небытие. Потом внезапно появился, но не в академии, а на общекоролевских магических конкурсах. Говорят, что его звали на государственную службу, но он отказывался. А вот на флот пошёл, но не как офицер, а как вольнонаёмный маг с привилегиями.

— Это как раз понятно. Если есть возможность выторговать побольше, кто же откажется?

Ленорт посмотрел на меня, как на умалишённую.

— У офицеров максимальный статус в королевстве! Если бы Руи Дорн вступил в гарнизон Эскадры-де-ла-Гард, он был бы, с графским титулом, драконьей сущностью и магическими способностями, считай, что вторым после короля. То есть, третьим, после адмирала Эдгарда Росса.

— Это серьёзно. Но он не пошёл офицером? Может быть, ему не предлагали?

— Предлагали! — Ленорт поморщился. Он терпеть не мог, когда какие-то привилегии доставались не ему. — Даже упрасивали. Но Дорн был непреклонен. Только в качестве граж-

данского, но на флагман самой знаменитой эскадры.

— Тогда зовём Жюли и начинаем подготовку к поездке.

Картинка мне не нравилась. Двое из числа самых могущественных магов королевства, относящиеся к одной драконьей семье, погибли в один день на расстоянии в сотни миль.

Это не "мутная история", как сказал барон. Это либо невероятное, почти нулевое в своей призрачности совпадение, либо чётко спланированная операция по ликвидации рода.

И Руи Дорн, судя по всему, это понял. Без лишних встреч обрёзал контакты в академии. Не пренебрёг службой, а оставил себе свободу манёвра, отказавшись от статуса офицера.

Возможно, он не бунтует, а защищается. Выживает.

Я аккуратно разложила на столе план поместья и дворца Дорнов. Отдельно совместила список тридцати претендентов и их характеристики. Но баронская дочь, впорхнув в кабинет, едва на них взглянула.

Она впорхнула к нам так быстро, словно подслушивала за дверью. Жюли склонила свою кукольную головку с личиком-сердечком. Её губы дрогнули и стали пухлыми от обиды. Она посмотрела на нас с бароном разочаровано.

— А где же портрет? Вы что, не сумели раздобыть портрет?!?

Я едва не застонала от её тупости, а с пушистых ресниц Жюли закапали слёзы.

Я смотрела на слёзы юной баронессы и думала, что мы с ней живём в параллельных вселенных. Ей нужна картинка

для мечтаний. Мне — схема расположения сил, чтобы понять, как встать, чтобы не попасть под удар.

И, кажется, именно поэтому Дорн, если он не дурак, должен выбрать кого-то похожего на меня. Потому что в этой игре на выживание мечтатели будут первыми кандидатами на вылет. Или даже на уничтожение, ведь из Дорнов выжил только один. Руи.

Хоть куда

Сопровождать бестолковую Жюли не было никакой радости. Мы с Фердинандом Ленортом бились над подготовкой её поездки на отбор. А что волновало маленькую баронессу? Хорош ли лицом и телом Руи Дорн?

И всё. Совсем всё. Не в смысле, «я обдумала остальное и теперь хочу узнать это», а просто «покажите мне его, а больше знать ничего не хочу». Ни про какие редфлаги она и не знала. Ей было неинтересно.

У нас было 5 лет разницы, а кроме них, 500 жизней и миллиард мыслей. Жюли могла думать о чём-то одном. Не в этот момент, а вообще. Тотально. В первый год работы я была потрясена её вязкостью.

Бланш приболела, и меня отправили с Жюли на примерку платья. Я отдала портнихе отрез ткани и кружево. С фасоном уже давно было всё решено, и пуговицы куплены.

И вдруг подмастерье спросила, край волана на груди выстрачивать в шов или оставить свободным. Жюли зависла. Портниха сказала, что сама разберётся, но баронессу замкнуло.

Следующие две недели мы только и слышали, что о воланах. Что будет, если встрочить его край в шов, а что, если не убирать, оставив свободным. Она без перерыва рассуждала, кто и когда предпочёл первый вариант, а кто второй.

Вымотала меня этой темой до истерики! И теперь с портретом Руи Дорна, который я нашла в книге «Драконьи кланы», я предчувствовала тот же поворот. Ведь до дыр затрёт рисунок и сожрёт мой мозг!

Этого нельзя было допустить. Значит, с этой девицей, с мозгом дошкольника, надо прощаться побыстрее. Если понадобится, сказать больно. Симулировать «животные боли». С ними тут бороться не умели и боялись страшно.

Я уже почти решилась начать симулировать хворь сразу же после возвращения в дом Ленортов, как мне преградила дорогу коренастая мужская фигура. Я едва не застонала от разочарования.

— Аннушка. А я тебя ищу.

Голос кузнеца, был громким, густым и неприятным, как и он сам. Он один перегородил всю пешеходную дорожку своим кряжистым телом. Одрик пах потом, углём и непоколебимой уверенностью в своей неотразимости.

— Добрый день, — кивнула я, стараясь побыстрее обойти кузнеца. — По поводу решётки? Деньги барон обещал передать завтра.

Кузнец сдвинулся в сторону проезжей части, не давая мне сбежать.

— Я не из-за денег, — он шагнул ко мне и я рефлекторно ближе, упёршись ладонью в полку над моей головой. — Слышал, барышню твою в поместье дракона вызывают.

— Это я не знаю. Мне болтать о планах господ не с руки.

— Тоже правильно. Для прислуги это добродетель. Значит, и ты с ней двинешься.

— Я человек подневольный. Что скажут хозяева, то и делаю. Мне думать не надо. Не за то платят, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Верно. Тебе платят только за то, что ведёшь хозяйство, а что устраиваешь их жизнь, не платят. Так что поезжай.

— Но я не хочу! — мой голос едва не сорвался на крик.

Мне был неприятен разговор с этим назойливым мужиком из кузни. Его бесконечное внимание и вопросы. Но он не отступал. Он схватил меня за руку и шагнул ближе.

— Поезжай, поезжай. Глядишь, глаза откроются. Поймёшь, что тут-то и есть дом. — Одрик тянул меня ближе, а я пыталась отстраниться. Его дыхание было горячим. Неприятным. — Я человек прямой. Дело говорю. Пора тебе, Аннушка, о своём, а не о господском доме подумать. Сиротка ты, приданого нет, да и годы уже не те. Перестарок уже. Барышня твоя за графа выйдет — а ты куда? На улицу?

Он говорил всё правильно. Каждое слово било точно в цель. В точку усталости и отчаяния.

— Я справлюсь, — буркнула я, пытаюсь вырвать руку.

— Не выдюжишь. Ты уже давненько тут, а своей так и не стала. По размышлению ближе к господам, а по жизни — нищенка. Вот и платье всё то же, что и зимой. Уж плащ сняла, а всё в нём. Оно уже и на локтях жидкое, светится. — Одрик посмотрел на меня с сердитым сочувствием. Его тон не

допускал возражений. — Господа тебя в жёны не возьмут. А одной тебе не прожить. А я — выдюжу. Кузница крепкая. Прокорма будет вдоволь. Характер у меня не забулдыжный. Да и дело в руках спорится. Кузня крепкая. Да и нравишься ты мне.

Косматый и кряжистый словно медведь Одрик вздохнул. Он был ко мне по-своему добр. И от хулиганья как-то защищал, и подмастерьям языки укорачивал, не давая обо мне зубоскалить.

И даже барону Ленорту давал дополнительную отсрочку, если тот присылал договариваться меня. Но я смотрела на этого огромного мужика, и выть хотелось, потому что я была одна!

Не из-за того, что за мной не было приданного. А потому, что и с Одриком я буду так же одинока, как и без него. Не было между нами ни капельки общего. Ни понимания, ни тепла.

Но кузнецу я нравилась, и он продолжил решительно:

— Так что готовься. Как вернёшься от Дорнов, — сватов пришлю. Деваться-то тебе некуда. Да и откладывать не след. Весна уже теплом поливает. У меня в кузне и вовсе горячо будет. А ты уже под боком будешь. Всё веселее пойдёт.

Одрик внезапно разжал руку, и я едва не упала под колёса проносящейся мимо повозки. У меня было ощущение, что я вырвалась из капкана, и что это временно.

Всё это лежало тяжестью понимания собственного поло-

жения в этом мире. И ужасом того, что у меня и правда тут не было выбора. В жёны возьмёт какой-то овдовевший лавочник или молочник. Или вот, Одрик.

Кузнец – лучший вариант, но душа к нему не лежит! И его логичное спасение станет для меня ещё одной тяжестью нелюбви. Потому что Одрик был прав и неправ одновременно.

Если выйти за него замуж, это станет концом моей жизни. Дверью, за которой надо будет терпеть не только тяготы необустроенного существования, но и примитивных мыслей.

А ещё нелюбимого человека, к которому ни тепла, ни симпатии, ни влечения. Только обязанности и долг.

И от этой мысли стало так холодно, что я поняла: надо бежать, хоть на край света. Хоть временно, но чтобы без Одрика. Пусть у меня где-то там вдали будет на 2 процента больше возможностей, но и их тут не было.

Поэтому я поправила на плече сумку с книгой «Драконьи кланы» и решительно зашагала к дому барона. Потому что ни о какой свадьбе с Одриком я и помыслить не могла. Теперь я была ехать с Жюли к Дорну.

Хоть куда, лишь бы не здесь. Лишь бы не к Одрику.

И теперь у меня был простой расчёт. Если барон раскроет мою тайну, меня сожгут на костре. Если Жюли провалится на испытании, я вернусь к Одрику. Если дочь барона выигрывает – результат будет тот же.

Оставался один путь. Ехать к Дорну и найти в этом путешествии другую возможность для выживания. Поместье Дорна могло стать для меня трамплином возможностей.

Аукционной площадкой, главным лотом на которой могла стать моя умная голова. И надо было продать её подороже, чтобы ни при каких условиях не угодить в кузницу и в лапы её хозяина.

Значит, надо ехать!

Сборы

Ленорты решили повесить на меня Жюли ещё до отъезда. Барон выскользнул из дома, пока я отчитывала повара, а его супруга сказалась больной и возлегла в будуаре.

Этого я не могла допустить. Распахнув шторы, решительно прошагала к закатившей глаза Бланш. Склонилась в почтительном поклоне и запричитала на манер Жюли:

— Солнце только к обеду, а госпожа уже без сил! – Я сделала паузу, давая Бланш время, обратить на себя внимание и протереть глаза от света, бьющего из окна, а потом маскируя ехидство, продолжила, – велите подать уксусницу?

— Не стоит так волноваться обо мне, Ани́. Отлежусь немного и позже крикну вас принести мне отобедать.

Много желающих! Будет отлёживаться, пока я пытаюсь подготовиться к поездке, а потом ещё и трескать в кровати. С предыдущей простыни еле удалось вывести пятна от супа.

— У госпожи нет сил даже отобедать за столом, а я должна быть спокойной? Не бывать тому! Да я за вас, да всей душой! – и уже почти угрожающе, – может, всё же, уксусницу?

Бланш дёрнулась и демонстративно отвернулась к стене, прижав ко лбу руку.

— Я буду сильной и справлюсь сама. К тому же у меня есть уксусница с солями.

Баронесса приподняла голову. Звякнув цепочкой, лениво

достала висящий на груди резной флакон. Демонстративно откупорила его и шумно вдохнула. Театрально кашлянула и вновь опустила голову на подушки.

Во мне поднялась буря протеста. Я юркнула к изголовью. Задержала дыхание и, откупорив свою поясную уксусницу, сунула флакон в лицо баронессе. Бланш не разгадала мой манёвр и втянула воздух носом.

Потом она кашляла, как чахоточная. Сначала села на диванчике, уронив подушки на пол. Потом металась босая по паркету. Когда она проносилась мимо меня, я успевала сунуть в руки пару салфеток.

А когда она перестала плакать, чихать и прочистила нос, с радостным задором продолжила:

— Счастье-то какое! Госпоже улучшело. Значит, вы можете кровиночке вашей, госпоже Жюли, провести инструктаж по обращению с драконами.

— Чего провести? – переспросила Бланш, поправляя белоснежные кудри.

— Обучить обхождению с Дорном, поведению на общих мероприятиях и встречах наедине.

— Каких это встречах с глазу на глаз? Не бывать этому! Ты для чего едешь сопровождать нашу Жюличку? Собираешься там хвостом вертеть и за управляющим ухлёстывать? – пошла в наступление Бланш.

— Я не собираюсь там вообще ни с кем общаться. А вот что можно, и чего нельзя претендентке на отборе, лучше бы

выяснить заранее. Потому что только вы обладаете этим важным знанием, как потомственная дворянка. Я этому нашу милейшую госпожу Жюли научить не смогу.

— Тогда следуй за мной и запоминай. Будешь подсказывать госпоже!

Бланш прошествовала в гостиную мимо меня с видом победительницы. И до самого обеда муштровала Жюли. Теперь уже она присматривала банкетку, на которую можно хлопнуться в обморок.

Я же пыталась подталкивать обеих, чтобы и толк был, и желание продолжить не пропало. И когда энтузиазм начал угасать, показала Жюли портрет Руи Дорна. Не список же претендентов с ней обсуждать?

Но вместо прогнозируемого восторга, юная баронесса приуныла.

— Он... Он такой страшный, — тихо пролепетала она, глядя на страницу с едва ли не фотографического качества цветной гравюрой Дорна.

— Что ты? Он по-мужски симпатичен. Правильные черты лица, голубые глаза, светлые волосы.

— У него взгляд злой!

Жюли повернула иллюстрацию в книге к матери. Та посмотрела с интересом, а потом молча пожала плечами.

— Смотри, — сказала я. — Он не кусается. Он не злой, не агрессивный. Он отстаивает своё. Я тут вижу совсем другое.

— Какое? Если я что-то не так скажу, он мне голову от-

кусит и не подавится. Мамусичка, давая я останусь дома! Я ещё не уехала, а уже скучаю по тебе. Давай я лучше за барона Олдриджа выйду замуж и буду к тебе в гости бегать. — Она посмотрела на мать умоляюще. — А из поместья Дорнов двое суток добираться. А он злой! Посмотри, как глядит! Точно кинется и загрызёт!

Бланш снова промолчала. Посмотрела на дочку тоскливо и отвернулась. Тоже без кровиночки не представляла свою жизнь, но и послушаться королевского указа не могла. Боялась последствий.

Я вздохнула, вынула из пальцев Жюли книгу. Повернула портрет к себе. Дорн стоял на фоне развевающихся парусов. Его мощная одинокая фигура была полна вызова.

Но не агрессии. Не наглого желания подчинить, завоевать, сломать. Он был готов стереть в порошок любого, кто на него нападёт. Он был готов защищаться до конца.

А ещё его взгляд был полон одиночества. И вокруг никого. Только фрегат, море, мачты и паруса. Ни одной живой души. Он один против ветра и шторма. Против целого света.

Эта мысль во мне откликнулась словно эхом боли. Привычной, тупой, давящей. Царапающей пульсации в том месте, где раньше была семья. У него были родители, брат, а потом не осталось никого.

— У драконов крохотные семьи. У этого не осталось никого. А теперь на него давит король, вынуждая продолжить род. Он просто очень устал от всей этой истории. От повы-

шенного внимания, от существования в одиночку, — тихо прокомментировала я. Ты ещё не уехала, а уже соскучилась. А ему куда возвращаться. Не к кому, понимаете?

Баронессы на несколько секунд уставились на изображение в книге. Замерли. Первой ожила Бланш. Она отобрала томик у дочери и сунула мне его в руки.

— Слушайся, Жюличка, Ани́чку и побыстрее возвращайся домой. Сами тут решим с женихами, — сказала она дрогнувшим от волнения голосом. — И велите подавать обед.

Баронессы суетливо вскочили и двинулись в сторону столовой. А я ещё раз посмотрела на портрет Дорна. В груди тупой болью отозвалось его одиночество.

В груди тупой болью отозвалось одиночество Руи. Я понимала его лучше кого бы то ни было. В этом мире я была чужой. Никому не нужной. Для попаданки это обычное дело. Выжила — уже хорошо.

Но ведь Руи Дорн местный! А и у него на целом свете не было никого. Как у меня. Я была чужой. Он — последним.

И я подумала, что вижу удивительную, колоссальную несправедливость! Меня вдруг осенило: Дорн сильнейшее магическое существо королевства — и у него ни единой живой души рядом.

Мне стало обидно. За него. За себя. За нас обоих, загнанных в ловушку обстоятельств.

Дорога в поместье дракона

Путь до границ владений графа Дорна занял двое суток, и эти двое суток я потратила на то, чтобы вбить в белокурую головку Жюли Ленорт простое правило: молчать.

— Твоя главная задача — быть незаметной. Нельзя кричать, хихикать, вздыхать громко. Надо стать незаметной тенью. Приятным, ненавязчивым фоном. Ты вежливо улыбаешься и говоришь «благодарю вас» или «как мило». Всё.

Мы тряслись в карете, а за окном мелькали бесконечные поля и перелески. А наша беседа становилась бесконечной.

— Но как же я тогда покорю его сердце? — в очередной раз спросила Жюли, глядя на меня округлившимися от ужаса глазами.

Я сцепила руки и терпеливо повторила в тысячный раз:

— Мы не собираемся покорять чьё-либо сердце. Мы собираемся провести необходимое для удовлетворения организмов время в замке и благополучно вернуться домой. Ты хочешь домой?

— Хочу, — моментально откликнулась Жюли, и в её голосе снова зазвучали слёзы.

— Вот и отлично. Значит, помнишь правило?

— Быть тихой, незаметной тенью, — покорно вздохнула Жюли и уткнулась носом в оконное стекло.

Барон Ленорт, ехавший верхом рядом с каретой, время от

времени ровнял лошадь с приоткрытым окошком. Прислушивался, ловил мой взгляд и одобрительно кивал.

Барон видел, что процесс идёт. Пытался контролировать и подбадривать, но его хватало только на охрану. Скромный герб Ленортов на дверце кареты не стал бы надёжной защитой, а шпага на боку, была не лишней.

На ночь мы остановились в «Серебряном колодце» — постоялом дворе, который с натяжкой можно было назвать приличным. Пока Жюли, морщась, осматривала предложенную ей комнату, а барон договаривался с хозяином, я отправилась во двор.

Мне выдали денежное содержание на дорогу и проживание в замке Дорнов. И теперь я лично была заинтересована в экономии средств. Мне нужно было убедиться, что с лошадьми всё в порядке.

В конюшне пахло навозом, сеном и пóтом. Возница, хмурый детина по имени Горам, с недоверием наблюдал, как я осматриваю копыта гнедых. Ему хотелось поскорее накормить лошадей и отдохнуть с дороги.

— Всё в порядке, — буркнул он, — будьте спокойны. Только бы добыть для них овёс и на боковую.

Я вздохнула и двинулась к стене, возле которой стояли мешки с зерном и ковши.

— Вот насчёт овса я и хотела поговорить, — сказала я, подходя к корму.

— А что тут говорить? Нам нужно купить 3 мешка овса.

Один мешок стоит 30 монет, значит, плати хозяину 90, и дело с овсом, то есть, с концом.

— И не подумаю! Это невыгодно!

Горам уставился на меня, будто я заговорила на языке драконов. Но в его глазах мелькнул проблеск интереса. Он ненавидел, когда его обманывали, почти так же сильно, как я.

— И где выгода? – уточнил возница.

— Посчитаем?

— Посчитаем. Был бы толк.

Горам мечтал сбежать на отдых, но я не дала. Подняла стоящие у стены ёмкости. Показала их вознице. Горам пожал плечами.

— Суть вот в чём: мешок овса стоит 30 монет. В него помещается или 3 больших ковши зерна, или 9 маленьких.

— Пока ничегошеньки нового.

— Будет тебе новое. Мешок овса стоит 30 монет, большой ковш зерна стоит 10 монет, а малый – 3.

— Ну, и что? Нам-то надо 3 мешка, это 90 монет, – вяло ответил Горам.

— Нет уж! Мы купим не 3 мешка, а 27 малых ковшей.

— Но нам надо 3 полных мешка! – не понял Горам.

— Это и выйдет 3 мешка, только заплатим мы не 90 монет, а 81! Экономия 9 монет!

Сонливость возницы как рукой сняло. Через десять минут, вооружившись моими расчётами на обороте старого счёта (спасибо, школьная математика и опыт закупок для ба-

зы отдыха), мы предстали перед хозяином.

Барон, узнав суть, предпочёл отойти в сторону, делая вид, что изучает окрестности. Переговоры вела я. Горам переминаясь рядом с ноги на ногу, беззвучно жестикулируя.

Хозяин, краснолицый и потный, сначала пыжился, потом бледнел. Но через пять минут уменьшил счёт на 9 монет. Барон протянул руку для сдачи, но я забрала деньги себе. Теперь Ленорт смотрел на меня с двойным уважением.

Барон, садясь ужинать, пробормотал мне вполголоса:

— Надо же. И овёс ты тоже считать умеешь. Универсальный солдат.

— Выживальщик, — поправила я тихо. — В чужом мире без этого никак.

Следующий день мы снова тряслись по ухабистой дороге. К вечеру показались каменные столбы с высеченным на них гербом Дорнов: стилизованный дракон, обвивающий мачту корабля.

Земля тут была иной — холмистой, с поросшими вереском склонами, а воздух стал свежее, с лёгкой солёной нотой. Мы приближались к морю.

У въезда в главное поместье кавалькаду встретили двое всадников в простой, но качественной одежде — не солдаты, скорее, лесничие или смотрители. Они вежливо, но без подобострастия осведомились о цели визита, сверились со списком и кивнули.

— Барон Ленорт может быть свободен. Дамы проследуют

с нами. Багаж доставят.

Фердинанд резко выпрямился в седле.

— Я провожу дочь до самого замка! Таков обычай!

— Владения графа Дорна, его правила, — невозмутимо ответил старший из зрителей. Его спокойная уверенность не оставляла сомнений: здесь слова барона — не закон. — Девиц мы в обиду не дадим. Дорога безопасна.

Ленорт обменялся со мной долгим взглядом. В его глазах читалась тревога, но и понимание: дальше — не его территория. Он сжал поводья, наклонился к окну кареты, чтобы проститься с Жюли, затем кивнул мне.

— Помни о чём говорили, Анна.

— Не беспокойтесь, — ответила я, и сама удивилась, насколько твёрдо прозвучал мой голос.

Карета, в сопровождении всадников Дорна, покатила по ухоженной дороге. Жюли вцепилась в мою руку, её пальцы были ледяными.

— Анни́чка, — пропищала она жалобно, — я боюсь.

— Молчи и смотри в окно, — мягко, но недвусмысленно сказала я. — Считай деревья. И дыши.

А сама смотрела вперёд, мысленно сверяясь с картой, лежащей в чемодане. Дорога вилась между холмов, и вот, наконец, показался он. Замок Дорна не был похож на воздушные, резные дворцы из столичных сплетен.

Это была крепость. Из тёмно-серого камня, вросшая в высокий утёс, с которого открывался вид на бескрайнюю, пере-

ливающуюся в лучах закатного солнца, гладь моря. Тут были и башенки, и ажурные балконы.

Значит, всё это было в жизни Дорна, а потом закончилось одиночеством и готовностью к обороне от чужого посягательства. Прямо как на портрете его хозяина.

Карета проехала под поднятой решёткой ворот и остановилась во внутреннем дворе, вымощенном тем же гладким камнем. Воздух пах морем, цветущими по склонам травами и тишиной. Здесь не было суеты десятков слуг.

Дверцу кареты открыл немолодой мужчина в строгом камзоле с ключами на поясе — управляющий. Его взгляд, быстрый и оценивающий, скользнул по нашей скромной одежде, но лицо осталось непроницаемо вежливым.

— Баронесса Жюли Ленорт и её компаньонка. Добро пожаловать в Чёрный Утёс. Граф ожидает всех претенденток к ужину. Вас проводят в покои, где вы сможете отдохнуть с дороги.

Жюли, дрожа, опёрлась на мою руку. Мы вошли в центральные двери. А когда нас проводили в правое крыло для претенденток, окунулись в разноголосый возмущённый женский хор претензий.

Жюли испуганно вцепилась в мою руку, словно ища опору. А я хищно улыбнулась, вспоминая работу в загородной базе отдыха. У меня было ощущение, что я вернулась домой. И что прежней жизни приходит конец.

Но вот что будет вместо неё, я даже близко не представ-

ляла.

Битва за покои

Наше врёменное пристанище оказалось не покоями, а настоящими казармами для знатных особ. Длинный сводчатый коридор был уставлен сундуками и чемоданами, а из полуоткрытых дверей доносились взволнованные голоса, плач, смех и приказы служанкам.

Возле входа в правое крыло столпились претендентки и их сопровождающие. Они обступили мужчину средних лет со связкой ключей. Почти размазали его по стене, не давая ни ускользнуть, ни удовлетворить их притязаний.

Я проскользнула вбок, заглянула в схему расположения комнат. В некоторые прямоугольники врёменного жилья были вписаны фамилии претенденток. Оставшиеся были свободны.

— Я требую немедленно сменить покрывало! Моё пахнет сыростью! — неслось из одной комнаты.

— Где моя комната? Я всё время попадаю не туда. И ко мне уже три раза вламывались чужачки! — голосила из другой.

Жюли прижалась ко мне, её глаза были огромными от ужаса.

— Веди себя как тень, — шепнула я ей на ухо, мой голос обрёл привычную командную сталь. — И запоминай всё, что видишь. Это наше поле боя.

— Анни́чка, я не смогу! Послушай, как они кричат! Они все такие... важные!

— Они все, такие же напуганные, как и ты, — отрезала я, уже осматривая помещение. — Просто маскируются по-другому. Криком и претензиями. Наша тактика — тишина и наблюдение. Запомни: ужин — это не трапеза. Это первое сражение. И нам в нём не нужно побеждать. Нам нужно просто не быть замеченными.

Но до него надо было заселиться. Я проскользнула ближе к вяло отбивающемуся от разъярённых девиц мужчине. Прикинув, в какой комнате я хотела бы жить, поняла, что есть шанс в ней оказаться, если раскидать этот курятник.

Подмигнув Жюли, я качнулась в самую гущу возмущающейся толпы.

— Цыц! — рывкнула я, и девицы кинулись врассыпную. Я продолжила свой маленький спектакль. Подняла указательный палец, словно пытаюсь проткнуть небеса. — Слушайте! Это бытовая магия. Сейчас будет найдено решение всех ваших проблем.

Девицы разного возраста и вида смотрели на меня недоверчиво, но спорить никто не рискнул. Видимо, магичек среди них не было. Я же, воспользовавшись замешательством, подхватила мужчину с ключами за рукав и потянула к столу, стоящему у стены без окон.

В глазах мужчины было столько благодарности, что я вспомнила несколько дежурств, на которых меня зелёную

вытаскивали совершенно посторонние люди. Их я не забывала. Всегда мысленно благодарила.

Усадила за стол «директора женского общежития» и показала замершим девицам план с их фамилиями и пустыми комнатами. А потом нагло заявила:

— Мне было видение. Бытовая магия велит сначала заселить вновь прибывших, а потом перемещать тех, кому что-то не нравится.

— Но я баронесса Фон Эрнье! – возразила девица с безупречной высокой причёской из смоляных локонов. – Я не могу спать, укрываясь вонючим одеялом. Я к такому не привыкла!

— Понимаю вас и сочувствую, – я закивала, сделав бровки домиком. – Но бытовую магию не обмануть. Чтобы решить ваш вопрос без очереди есть одна лазейка: упаковывайте обратно в чемоданы свои вещи, выходите сюда, сдавайте ключи, и тогда ваш вопрос решат без очереди! – выпалила я с восторгом. А потом продолжила задумчиво, – правда есть одно но. В этом случае нет гарантий, что вы сможете вновь заселиться в ту же комнату, ведь перед вами будут другие вновь прибывшие. Им могут понравиться ваши покои. А в новых могут быть проблемы гораздо хуже, чем запах одеяла. Но это вам решать. Вы же баронесса. Я вам советовать не возьмусь.

Я подобострастно поклонилась, чтобы сгладить ситуацию. Баронесса оценила и моё смирение, и необходимость выво-

лакиваться с корзинками и чемоданами в коридор, и отступила.

— Я попозже подойду, – провозгласила она и с ровной спиной уплыла по коридору.

Вслед за ней, шурша юбками, двинулись и остальные скандалистки. Жюли прижалась к стене так, чтобы между оказаться подальше от мужчины. Я же склонилась над планом.

— Как вас зовут, решительная госпожа?

Теперь я могла рассмотреть мужчину поближе. Он был богато одет. На висках серебрилась седина, но по выправке тянул лет на 40. На 50 по нашему, земному. И взгляд этого господина явно обозначал интерес ко мне.

— Анна. Анна Руссо. Я компаньонка баронессы Жюли Ленорт.

И всё! Не дворянка. Взгляд мужчины стал ледяным. От его высокомерия теперь можно было превратиться в сугроб. Обычно так смотрели содержанки или водители олигархов. С самими миллионерами было проще.

И сейчас я увидела, как физически стираюсь из списка его предпочтений. Но не продолжить он уже не мог.

— Я – барон Теодор Бомонт. Главный распорядитель королевских отборов невест.

— Распорядитель? – удивилась я, кося в сторону планов и списков, разложенных перед мужчиной.

— Распорядитель! Я только наблюдаю за проведением и

консультирую по процедурам! Но это если организатор хоть немного занимается отбором и выделяет на это прислугу!

— Это только если жених заинтересован в свадьбе! — раздалось громогласное над нашими головами.

Мы с бароном вжали головы в плечи. Я, словно перепуганный краб, приставными шагами переместилась в сторону. Сверкнула глазами на подошедшего, и едва не застонав от разочарования, поклонилась сильнее.

Ниже, чем по грудь, как с господами первой ступени, включая баронов. Потому что передо мной, в бешенстве уперев руки в бока, стоял граф. Граф Руи Дорн. Последний из древнего драконьего рода и жених на предстоящем отборе.

Он был гораздо мощнее и внушительнее в жизни. Картинка и на один процент не передавала силы этого человека. Дракона. Она не показывала главного — плотного, почти осязаемого поля холодного напряжения, что исходило от Дорна. Заставляло волосы на руках встать дыбом.

Это не была магия в привычном мне понимании. Это была его сущность. И оттого, что он мог стереть меня в порошок или вышвырнуть за пределы поместья, я заледенела.

А от следующих слов, и вовсе услышала звон разбивающегося на осколки будущего.

— Какое вы имеете право обсуждать меня?

Я верю в вас, барон

У меня поплыло перед глазами. В ушах звенело не от мощного голоса, а от ледяного, животного ужаса. Я проваливалась в него, как в колодец, чувствуя, как каменеют ноги и холодеют ладони.

Он слышал. Он всё слышал. Мой мозг, привыкший мгновенно анализировать происходящее, выдал только один вариант будущего в виде горящей надписи «КАЗНЬ» и рекомендовал найти подходящую для погребения одежду.

Жюли, распластавшаяся по стене, замерла с открытым ртом, готовая в любой момент разреваться или упасть в обморок. Барон Бомонт, напротив, встал, и на его лице появилась досада схваченного за руку чиновника.

Меня охватило отчаянье. Я замерла в нелепом поклоне, уткнувшись взглядом в узор паркета. Надеюсь на лучшее. Вдруг замок загорится или Дорна вместе с Бомонтом трахнет инфаркт?

А пока внимание дракона было направлено на управителя, я превратилась в статую. Говорила себе: Не двигайся. Не дыши. Может, он подумает, что я мебель, или потеряет интерес к разговору.

Но мне не повезло. Голос графа, холодный и ранящий, словно острие кинжала, разрезал тишину:

— Барон Бомонт. Мне доложили о хаосе и вашем бед-

ственном положении. Я прихожу оценить ситуацию. И нахожу вас за обсуждением моих матримониальных планов с посторонним лицом. — В его интонации не было гнева. Было что-то похуже: безразличное презрение. — Объяснитесь.

Бомонт, к моему удивлению, не стал оправдываться. Он лишь слегка склонил голову.

— Граф, я всего лишь констатировал очевидное. Процедура отбора — это ваша прямая обязанность перед короной. Её организация целиком и полностью на вашей ответственности.

— С чего бы это? Разве я инициировал этот балаган? Быть может, я выбирал кандидаток или рассылал письма с гарантиями? — Я судорожно вспоминала, что было написано в присланном приглашении. Судя по виноватому лицу Бомонта, Дорн был прав и продолжил тише, но теперь в его голосе было ещё больше угрозы, — и вы имеете наглость перекладывать на меня ответственность? Срочно привести в порядок 40 дополнительных комнат и принимать в надлежащих статусу условиях больше 50 человек?

У меня было полное ощущение, что Дорн спросит, на основании чего всё это должно происходить, только жёстче, как про сгоревшую баню. Но граф сдержался, а тон Бомонта стал заискивающим.

— Я же здесь только как наблюдатель. И мы с вами обязаны поддержать инициативу короля.

— Наблюдатель? Мы с вами?

Дорн качнулся в сторону Бомонта на крохотный сантиметр, но барона снесло к стене. Он отскочил, с грохотом опрокинув стул. Стоял, постоянно озираясь по сторонам, словно ища защиты.

Но барышни попрятались за дверями, а мы с Жюли и сами тряслись, как листья на ветру. Я внутренне, а баронесса Ленорт всем телом от коленок до белоснежных пружинок на кукольной головке.

Я рискнула на миллиметр поднять взгляд. Дорн стоял не шелохнувшись. Его светлые волосы, собранные у основания шеи, и безупречно строгий тёмно-синий камзол делали его похожим на статую — прекрасную и неживую.

Только глаза, те самые голубые и ясные, что были на портрете, теперь смотрели на распорядителя с таким ледяным вниманием, что барон, казалось, даже слегка съёжился.

— Возьмите себя в руки, Бомонт. Вы не просто наблюдатель, вы представитель короны. На вас возложена почётная миссия. — мне показалось, что в голосе Дорна проскользнула издёвка. — Вы стоите у истоков продолжения славного драконьего рода и не просто наблюдаете. Вы распорядитель! Я передал вам целое крыло для наилучшего размещения участников, конкурсанток и сопровождающих. Вы распорядитель! Вот и распорядитесь с умом и достоинством имеющимися возможностями. И не опускайтесь до пересудов с девицами!

Я скосила взгляд на Бомонта. Мне захотелось смеяться

в голос. От вдохновенно-мотивирующей речи Дорна барон пришёл в приподнятое настроение.

— Прошу прощения, господин Граф. Меня смутили бесконечные птичьи трели претенденток. Я был выведен ими из равновесия.

— Так введите себя обратно! На вас возложена почётная миссия, и, надеюсь, вы станете достойно её исполнять.

Мысленно я аплодировала Дорну. Так послать, припахать, унижить и вдохновить одновременно, мог только профессионал высочайшего уровня. Например, завхоз или наш начальник ассенизаторов.

— Будет исполнено в лучшем виде. Не извольте сомневаться, ваша светлость! Всех расселю в лучшем виде!

Теперь взгляд Бомонта пылал решимостью справиться с цветастым курятником. А Дорн стал отцом-покровителем этого, вверенного ему королём балагана.

— Не посрамите, Бомонт. Вы представитель власти. Соответствуйте рангу! И помните, без этих «птичьих трелей», барон, — тихо произнёс Дорн, — не было бы и самого отбора. Что, впрочем, было бы идеальным решением для всех. Раз уж мы заговорили об очевидном.

Барон был готов есть с руки графа. Я любовалась Дорном. Его виртуозное управление королевским приспешником было достойно наивысшей награды укротителя.

Но насладиться происходившим мне не посчастливилось. Ледяной луч внимания Дорна сменил цель. Он повернулся

ко мне. Это было похоже на то, как прожектор с вышки находит в темноте нарушителя.

Всё внутри оборвалось и замерло. Я инстинктивно выпрямилась под этим взглядом. Горло сжалось, не в силах вымолвить ни звука.

— А вы, — сказал он, и его голос, обращённый ко мне, потерял оттенок официальности, став просто холодным. — Вы кто такая, чтобы наводить здесь порядок с помощью своей сомнительной «бытовой магии»?

Боевое крещение

Вопрос сделал коридор полем боя. Я буквально онемела под холодным взглядом голубых глаз. Язык отказывался слушаться, но и отмалчиваться в такой ситуации было невозможно. Смертельно опасно.

Делая вид, что я освобождаю себе место для приветствия, прикрыла бледную Жюли своим телом. Несмотря на страх, выдала лучший из своих реверансов. Больше не как служанка, а как человек, признающий его власть.

— Анна Рүссо, ваша светлость. Компаньонка баронессы Жюли Ленорт. Прошу прощения за самодеятельность. Управляющий был в затруднительном положении, а ситуация требовала немедленного решения. Я действовала, исходя из соображений общей пользы.

Стараясь говорить отстранённо, я смотрела исключительно на паркет. Но когда слова закончились, не удержалась и подняла взгляд на Дорна, и сразу же пожалела об этом.

Вблизи дракон был ещё более поразительным. И ещё более холодным. В его яростном холодном контроле сквозил тот самый дух обречённости, что я разглядела на портрете. И это странным образом придало мне сил.

Вблизи ледяная голубизна его глаз была пугающе чистой, как горное озеро над пропастью. Ни злобы, ни любопытства. Только ожидание новых вводных. Изменившейся расстанов-

ки сил.

Он не моргнул и не ответил. Молчание было хуже любого вопроса. Я знала, что надо просто молчать и ждать его решения. Но меня так трясло от близости дракона, что я не выдержала и продолжила говорить.

— Ваш управляющий отсутствовал, а распорядитель, — я кивнула в сторону барона, который замер, как кролик перед удавом, — был в затруднительном положении в окружении большого количества прибывших гостей. Мы тоже только прибыли и хотели, всего лишь, получить доступ в мило- стиво предоставленные вами покои. — Про королевский указ я умышленно промолчала. — В коридоре образовалась дав- ка, грозившая травмами и порчей имущества. Мои действия были направлены только на воцарение мира в вашем госте- приимном замке.

Я почти физически ощутила, как сильнее сжался Бомонт, и старалась слиться со стеной Жюли. Но отступить было некуда.

— Анна Руссо, — Руи Дорн рассматривал меня так вни- мательно, словно встретил новый вид цветов в своём саду. — Маркизу Руссо вы приходитесь родственницей? Как я по- нимаю, дальней?

В его голосе не было и капли заинтересованности. Чётко, как на допросе.

— Нет, ваша Светлость. К моему великому сожалению, я не нахожусь в родстве с этим уважаемым господином.

— Даже дальнем? Вы ему даже не племянница троюродного брата?

Его взгляд стал наиграно удивлённым. Дорн даже голову наклонил вбок и брови приподнял, заложив руки за спину.

— К моему глубочайшему сожалению, ваша Светлость, даже отдалённого родства с этими уважаемыми господами не имею.

— Даже непризнанного родства? Даже по матери?

Дорн шагнул ко мне ближе, но я не отступила. Да и куда? Я и так уже упиралась поясницей в край стола.

— К сожалению, ваша Светлость. Даже девятиуродного родства с этими господами я не имею.

Вместо того чтобы огорчиться, Дорн развеселился. На его лице расплылась лукавая улыбка.

— Великолепно! – заявил он.

— Что вас восхитило? Что я не маркиза по крови? – удивлённо уточнила я.

— Великолепно не это, а то, Анна Руссо, что в королевстве никогда не было и нет никакого дворянина с такой фамилией. Но любой простолюдин, желающий возвыситься, не преминул бы на мой вопрос сообщить, что он родственник маркизу, барону или даже графу с такой же фамилией. А вы удержались от соблазна. Это достоинство. – Граф кивнул, словно подтверждая свои слова. – Но что вы скажете по поводу несанкционированного применения бытовой магии против других участников отбора?

Последнее Дорн сказал так тихо, чтобы подслушивающие за дверями покоев не могли догадаться о сути вопроса. Но Бомонт и Жюли шумно втянули воздух. И у меня руки похолодели. За это можно было бы и выхватить.

— Бытовая магия, — я повторила его слова, и в моём голосе впервые зазвучала не просьба, а лёгкая, почти невесомая горечь, — это всего лишь название. Специальное слово для комплекса мер, прерывающих хаос.

— Значит, не магичка?

— Нет. Можете сами убедиться. Я экономка. Я не колдую. Я считаю и организую. Как умею.

Я развела руками, словно извиняясь, что не получила никакого магического дара при рождении. Да и откуда он мог взяться на Земле? Но Дорн словно и не собирался меня в этом упрекать.

Стало так тихо, что слышно было, как за окном кричит чайка. Граф смотрел на меня, почти не мигая. И вдруг — я не могла ошибиться — в глубине его ледяных глаз мелькнула искра. Не гнева. Не интереса. Скорее, узнавания.

То самое, что я почувствовала, разглядывая портрет дракона. Он увидел что-то выходящее за рамки привычного. Я не была дерзкой служанкой. А вот активно меняющей правила в предложенных обстоятельствах, была.

Той, что пытается выжить в клетке, используя то, что есть под рукой.

— И что ты организуешь? — уточнил Дорн.

— Порядок. Я совершенно безопасна.

Мне хотелось объяснить Дорну, что я не магичила. Но признаваться в том, что «цыц» просто способ остановить хаос, а не бытовая магия, было жаль. Хотелось иметь хоть какой-то рычаг давления на этих напыщенных куриц.

И я увидела проблеск понимания в глазах Дорна. Он снова улыбнулся и потребовал:

— Покажи руки!

Не понимая, зачем графу понадобилось срочно рассматривать мои ладони, я подчинилась. Дракон сделал несколько пассивов. Потом наклонился ближе. Втянул носом воздух, словно желая обнаружить конкретный аромат.

Потом поднял на меня взгляд, и я увидела, как человеческий зрачок окружил ободок серебристых искр, и он начал вертикально вытягиваться. Мои губы раскрылись в беззвучном возгласе.

Дорн медленно моргнул и громко произнёс:

— Считаю вашу бытовую магию допустимым инструментом поддержания порядка. Разрешаю к применению — в рамках правил моего поместья. Продолжайте размещение. Не опаздывайте на ужин.

После этого он кивнул Бомонту и Жюли и, развернувшись на каблуке, скрылся за поворотом коридора. Его уже не было видно, но ещё долго моё сердце билось в такт его шагу.

Я стояла, сжимая в потных ладонях подол платья, и осознавала главное: проверка пройдена. Но игра в кошки-мыш-

ки только началась. Дорн только что официально зачислил меня в свой личный зверинец диковинок. И будет внимательно наблюдать за моим поведением.

На ужин

Тишина после ухода Дорна была плотной, почти осязаемой. Моё сердце глухо колотилось где-то под рёбрами, пытаясь справиться с увиденным: проверка дракона, глаза-щёлочки, разрешение.

Бомонт первым пришёл в себя. Он вытер платком пот со лба. Взгляд барона уже не выражал презрения, а лишь усталость и растерянность. А ещё желание поскорее с этим покончить.

— Какая комната интересует баронессу Ленорт?

Я вдохнула, поджав губы. Со мной он говорить не хотел. Мне было неприятно быть никем в этом мире, но я справилась. Заставила себя сделать шаг к столу. Страх и неудовольствие надо было превратить в действие. Всегда.

— Ваша Милость, госпоже Ленорт нужна комната. Восьмая, пожалуйста.

Барон тупо посмотрел на меня, потом на план.

— Восьмая? По списку?

— Вот эта, — я ткнула пальцем в небольшой прямоугольник почти в самом конце коридора. На плане она не была занята фамилией претендентки.

Бомонт склонился, присмотрелся, и на его лице мелькнуло непонимание.

— А, так эту. Разумный выбор. Комната маленькая, но

тёплая. Между другими. Холодно не будет.

Я кивнула, про себя отметив главное: комната не только тёплая. Она была в двух шагах от второй, неприметной служебной лестницы, которую я успела заметить на плане.

Запасной выход и удобный вариант передвижения, если вы хотите скрываться. На всякий пожарный. В том числе и на тот, что может устроить разгневанный дракон.

— Отлично. Ключ, пожалуйста.

Бомонт, всё ещё двигаясь как заведённый, но уже с оттенком возвращающегося высокомерия, протянул мне ключ — тяжёлый, железный, старомодный.

— Вот, возьмите. Прекрасная идея, кстати, нумеровать. Очень упростило бы всё это, — он тоскливо махнул рукой в сторону коридора, откуда снова начал доноситься приглушённый гомон. — Жаль, только на плане. На дверях не напишешь — испортишь полированную, поцарапаешь краску. Владения графа всё-таки. Он не одобрит порчу имущества.

Я повертела ключ в пальцах. Мысль работала быстрее страха.

— А кто сказал, что нужно портить? — ответила я, и в голосе вернулась привычный деловой тон администратора. — Достаточно написать мелком. Белым, мягким. Цифру можно нарисовать на табличке, камне у входа или прямо на двери. Потом — стереть. Ни следов, ни недовольствия хозяина.

Бомонт замер, уставившись на меня, будто я только что предложила передвинуть королевство силой мысли. Потом

медленно, с одобрением кивнул.

— Мелком? Пожалуй. Это практично. Очень практично. Я распоряжусь.

В его тоне слышалось почти уважение. Барон увидел во мне не дерзость и вздор, а решение, которого ему так не хватало. Жюли, всё это время жавшаяся к стене, подошла ближе.

Я кивнула, приглашая следовать за мной. Подхватила наши вещи и двинулась к выбранной комнате. Но говорить начала, только плотно затворив за собой дверь.

— Нам надо привести себя в порядок до ужина. Времени не так много, но мы справимся. Это не торжественный ужин, поэтому придирааться не должны. Но лучше быть готовой ко всему.

Наша комната оправдала ожидания: скромная, простая, но сухая и действительно ощутимо теплее, чем в коридоре. Вид из окна, на прекрасную долину, горы, море вдалеке и небо.

— Аничка, он! Он превращался, — выдохнула Жюли, срываясь на плач, как только дверь закрылась. — У него глаза стали как у змеи! Он тебя чуть не съел!

— Но даже зрачки не стали до конца вытянутыми. Он собой владеет. Просто проверил меня, — поправила я, разбирая вещи. Голос звучал спокойнее, чем я себя ощущала. — И не нашёл ничего запретного. Всё. Тема закрыта. Забудь его глаза. Думай о своих. Ты их подведёшь сурьмой? Или будешь

бледная, как после сна?

Это подействовало. Жюли ахнула и кинулась к своему саквояжу в поисках зеркала и косметички. У неё был неглупый инстинкт сохранения внешности. Единственное, чему её научила мать: следить за собой.

А! И в обморок падать.

Пока она возилась, я подошла к узкому окну, приложив ладонь к прохладному стеклу. Где-то там, в другом, недоступном крыле, был он. Тот, кто смотрел сквозь человеческую оболочку.

Что он увидел? Он понял, что во мне нет магии. Но не выдал меня. Не сделал посмешищем. Не сорвал злость, хотя мои предположения о его чувствах к отбору подтвердились.

«Разрешаю использовать бытовую магию».

Фраза обжигала. С одной стороны, это была охранная грамота, а с другой – ярлык, который он на меня навесил. Он признал меня полезной диковинкой. Но не спрятал в чулан, а выставил на всеобщее обозрение.

Нарочно? Чтобы посмотреть, как я буду справляться с вниманием? Или чтобы другие, увидев его интерес, держались от меня подальше, создав тем самым буфер? Ставит эксперимент надо мной, чтобы другие могли проявить себя?

Для Жюли я выбрала приятное шоколадное платье. Активировала над ним бытовой артефакт, но только на одно деление. Чтобы и внешний вид улучшить, и запас возможностей не исчерпать сразу.

Себе выбрала второе платье из имеющегося арсенала. Отстегнула от тёмно-серой неприятной на ощупь ткани воротник. Каштановые пряди расчесала и собрала в пучок.

Ничего привлекающего взгляд. Задача была обратная — стать частью стены, тенью, услужливым и незаметным фоном.

— Ты совсем как служанка, — с недоумением заметила Жюли, уже напудренная и причёсанная.

— Так и есть, — ответила я, поправляя складки ткани. — Я и есть служанка. А ты — претендентка, которая ведёт себя тихо и скромно. Наш уговор в силе: на ужине ты — приятная, вежливая тень. Отвечаешь, только если спросят прямо. Улыбаешься. Молчишь. Поняла?

Она кивнула, в её глазах всё ещё плескался испуг, но теперь к нему добавилась решимость показать себя с лучшей стороны.

Мы не только привели себя в порядок. Я успела развесить в шкафу платья Жюли, чтобы они успели отвиснуть без утюга. Когда В коридоре раздался мерный, властный бой большого колокола, мы были готовы.

Моё бледное, серьёзное лицо без возраста было похоже на снулую рыбу. Но едва я об этом подумала, в глазах проскользнул огонёк упрямой готовности держать удар. Плохо. Надо лучше скрываться. Не привлекать внимание.

Я буду самой скучной, самой предсказуемой и самой полезной тенью в замке. Пока мне это выгодно. Так что глаза в

пол, лицо, как у турнепса, и вперёд.

— Пора, — сказала я вслух, открывая дверь. — И помните: спокойствие и тишина. Наше лучшее оружие.

Мы вышли в коридор, где уже собирались другие девушки и их спутницы. Шёпот, похожий на шелест листьев перед бурей, тут же окружил нас. Десятки глаз — любопытных, завистливых, опасливых — скользнули по моему простому платью и задержались на лице.

«Это та самая... с которой граф...»

«Компаньонка Ленортов...»

«Говорят, он ей улыбнулся...»

В зал для приёмов мы пошли в составе пёстрой разнородной толпы. Девушки и их компаньонки шли вместе, при этом на расстоянии. Держали дистанцию.

Мы двинулись навстречу гулу голосов, запаху жареного мяса и воска. Я ощущала тяжеловесное, полное скрытых угроз, ожидание первого официального ужина в логове дракона.

Жюли заняла место за длинным столом, а я тихонько двинулась вдоль противоположной стены, ища убежище. Присмотревшись к нише за голубым штандартом с изображением дракона, юркнула туда, предвкушая успешное неприметное наблюдение за присутствующими.

Но день сегодня, был явно не мой, потому что в углублении в стене уже было занято. И тот, кто стоял там, переплетая руки на груди, не был доволен моей компанией в месте его

засады. И даже прищурил, чтобы это чётче обозначить, свои драконьи глаза.

Битва в нише

Всё внутри оборвалось и провалилось куда-то в ледяную пустоту. Конечно. Идеальное укрытие. Логично, стратегически выверено, с отличным обзором. Кто же ещё, как не он, мог его выбрать?

Я застыла на пороге ниши, одной ногой ещё в свете зала, другой — уже в личной засаде графа личной тени. Отступить было позорно и подозрительно. Продолжать движение — самоубийственно.

Пришлось выбрать третье: замереть в нелепой позе. Раскорячилась, как корова в бомболоке, ну или как цапля во время судорог. При этом делая вид, что случайно проходила мимо, изучая узор на каменном полу.

— Быстро внутрь! — скомандовал дракон.

Он резко дёрнул меня за руку, и едва не свалилась ему в объятия. Чудом устояла на ногах, стараясь отстраниться. При этом мужественно смотрела в пол.

— Ваша светлость, — подобострастно пролепетала я, пытаясь скрыть раздражение от случившегося. — Прошу прощения. Я случайно сюда забрела. Не заметила, что место занято.

Он не ответил, но руку не отпустил. Я злилась на очередной провал, оказавшись на водоразделе двух реальностей. Спинай чувствовала тепло светлого зала, шёпот и звон посу-

ды. Лицом — холодный, насыщенный напряжением вакуум, исходящий от него.

— Не заметила она, — наконец выдал он. Его голос был тихим, ровным и абсолютно лишённым того театрального сарказма, с которым Дорн разговаривал с Бомонтом. Это был другой голос. Вкрадчивый. Опасный. — Случайно, как же. В нишу, из которой идеальный обзор на всех, кто сидит за столом и их сопровождающих. Очень наблюдательно.

— Я не хотела, — начала я, но Дорн перебил.

— Разумеется, не хотела! Ты стремилась стать незаметной и при этом добыть информацию.

Мне захотелось провалиться сквозь каменный пол. Он всё видел. Заметил и разгадал мой манёвр, мою тактику. И, кажется, не просто рассмотрел, а предугадал.

— Я искала место, чтобы никому не помешать и лучше исполнить обязанности компаньонки, — выдавила я, всё ещё глядя в пол.

Дракон хмыкнул.

— Не помешала? — язвительно спросил он.

— Простите, — резче приличного ответила я.

— Случайно?

— Несомненно!

Я постаралась вложить в ответ всё наивность и сожаление, которые смогла наскрести в закромах своих актёрских способностей. Получилось плохо. Дракон притянул меня ближе, прищулив глаза.

— Самое тёмное место в зале с лучшим обзором на вход и на весь стол. Да. Точно случайно. Прямо учебник по сторожевой службе, а не рассказ о званом ужине претенденток на жену дракона, — произнёс Дорн с лёгким, почти неосязаемым оттенком насмешки.

— Так может я тогда пойду, чтобы вас, ваша Светлость, не тревожить?

Я постаралась сдвинуться к выходу из ниши. Но Дорн не только не выпустил мою руку. Он легонько поддёрнул меня к себе, и я, не удержав равновесия, впечаталась в грудь дракона.

— Ку-у-уда! Стой где стоишь! Представь, что о тебе подумают, если мы выйдем отсюда оба.

Я едва не застонала, от понимания катастрофы. И так мне на спину Дорн повесил мишень, удостоив разговора в коридоре. Если мы появимся из ниши вдвоём, это станет сигналом открыть на меня охоту, как на конкурентку.

— То-то же. Стой, где стоишь, пока я не решу, что с тобой делать.

Я попыталась отстраниться, но дракон, словно в наказание, продолжал удерживать меня распластанной по своему телу. В нише было темно, мало места, и близость мужского тела меня волновала.

Запах чёрной смородины и чего-то терпкого, мужского, кружил голову. Сила рук дракона, его горячее твёрдое тело, состоящее из мощных мышц, дарили давно забытое ощущение.

ние защищённости.

И мне захотелось на секунду отдаться этому чувству. Сложить лапки и подчиниться кому-то ильному. Но как только я это поняла, резче дёрнулась из рук дракона.

Дорн смотрел на меня с недоумением. Словно в своём горном замке случайно столкнулся с китом или мамонтом. И это его не обрадовало. Я снова постаралась отстраниться, и мужчина ослабил хватку.

— Ваша Светлость, мы теряем время, - попробовала я урезонить дракона, но внезапно охрипший голос выдал моё волнение.

В глазах дракона проскакивали небесно-голубые искры, как вспышки бенгальских огней. Он качнул головой, словно пытаясь сбить наваждение. Медленно вдохнул, а потом решительно отшатнулся.

— И, правда, теряем время. – Дорн прищурился.

— Напомни, ты откуда?

— Из имения Ленортов.

— А до этого?

— Из дома.

— Откуда конкретно?

— Раньше мы жили на побережье в Порт-Лиссе. После чумы выживших расселили, но документы сгорели. С тех пор — без роду и племени в брошенной деревне без названия. После смерти родителей много скиталась, бродяжничала, но никогда не воровала, перебивалась случайными заработка-

ми.

Дракон нахмурился. Было видно, что он размышляет. Я даже подумала, что он мне поверил, но в его системе оценки что-то не совпадало с увиденным ранее.

Дорн уже открыл рот, чтобы ответить, как за штандартом, за которым мы прятались, что-то грохнуло. Мы моментально кинулись к пологу и замерли, рассматривая хаос в зале.

У самого входа суетились слуги. Прикрикивая друг на друга, они убирали с пола рассыпавшиеся с подноса приборы и осколки тарелок. Я бы подумала, что кто-то из кухонных уронил угощение.

Но вот перепуганные лица сидящих за столом претендентов и их сопровождающих у дверей, говорил об обратном. И то, что от суетящихся слуг с прямой спиной отходила жгучая брюнетка в лазурном платье, подтверждало несостыковку.

Девушка не выглядела расстроенной. На её губах играла тонкая, довольная улыбка. Она не пыталась привлечь внимание. Она его уже получила, устроив сцену. И теперь оценивала эффект.

— Графиня Олиенти, — едва ли не простонал Дорн.

Я мысленно вернулась к списку заявленных на конкурс. Микаэла Олиенти была в самом начале списка. Она попала туда не только за высокий наследуемый титул, но и как преуспевшая в дворцовых интригах.

Мы с Дорном переглянулись.

— Оставайся здесь. Сиди тихо до самого конца.

Я беззвучно кивнула, надеясь, что все мои злоключения с графом закончились. Но перед тем, как выйти в зал, Дорн ещё раз на меня посмотрел.

— Было бы прекрасно, если бы вы меня больше не тревожили, — он досадливо поджал губы, — но, кажется, это совершенно невозможно до самого конца смотра невест. Держитесь от меня подальше, Руссо.

С этими словами он скользнул вслед прошедшему мимо слуге с большим подносом. В его тени прошёл почти до самого стола, и только тогда поздоровался.

Я осталась в нише, внезапно ощутив ледяной сквозняк одиночества в том месте, где только что было тепло. Слова Дорна прожигали насквозь. «Держитесь подальше». Легко сказать.

Но как избежать встречи с драконом, который словно менял правила этого мира, притягивая меня к себе?

Первый ужин

Из тени моего убежища прекрасно был виден стол. Я пересчитала участниц и поняла, что прибыли уже почти все. За столом кроме самого Дорна и барона Бомонта было двадцать две девушки. Четверо из них были в дорожных платьях.

Ужин был похож на встречу разноцветных рыбок в подсвеченном огоньками океане. Но колеблющиеся огоньки свечей и блестящих платьев вместе с гулом голосов меня настораживали.

Я видела не юных девушек, а стайку хищниц, переодетых в шкуру слабого пола. И они не были цветочками на полянке, они вышли на охоту. Я пока не знала имён, но присматривалась, давая заочные характеристики.

Речь за столом текла неспешно, и каждое слово, словно светлячок, взмывало ввысь. Я прекрасно слышала голоса. Ниша была заговорённой, или сводчатые потолки зала помогали, я не знала. Слушала.

— ...совершенно согласен, барон Бомонт, — абсолютно безэмоционально говорил Дорн. — Деревья требуются для укрепления грунта. Это особенно важно в гористой местности с нашими ветрами. Именно поэтому я отклонил прошение о дополнительной вырубке дубравы. Пни плохо держат почву.

Он неторопливо отпил из бокала. Совсем чуть-чуть. Как

будто пробовал на кислотность, а не на вкус.

— Но, ваша светлость! — Бомонт развёл руками, чуть не задев бокал соседки в кремовом платье. — Местные промышленники заинтересованы в получении древесины! А дубы, это не только производство, это ещё и флот! В том числе и Эскадра-де-ла-Гард!

— На море древесина из местных дубов гниёт за два сезона, — парировал Дорн, даже не глядя на него, а медленно отрезая кусочек на своей тарелке. — В архивах Адмиралтейства есть отчёт за последние десять лет. Я могу предоставить вам копию. Это было бы куда полезнее для промышленников, чем разорённый склон и штраф за нарушение королевского лесного устава.

Бомонт открыл рот, замер и проглотил воздух вместе с непроизнесённой тирадой. Его роль «мудрого советчика» дала трещину при первом же столкновении с фактами.

А Дорн в них ориентировался. Я думала, что он сбежал на флот и не интересуется поместьем. Но, судя по его ответу, дракона трудно было обвинить и в легкомыслии, и в невнимательности к землям Дорнов.

Мне хотелось поразмыслить над этим сильнее, но меня отвлекла графиня Олиенти. Она плавно вклинилась в паузу, будто её голос был смазкой для скрипящих шестерён разговора.

— Как трогательно, — прошелестела она, и все взгляды произвольно потянулись к ней. — Заботиться о землях,

которые однажды перейдут вашим детям. Это говорит о настоящей, глубинной связи с родом. В столице, увы, думают лишь о том, какие дубы лучше смотрятся в паркетном узоры танцевального зала.

Микаэла бросила взгляд на Дорна, ожидая отклика. Он поднял глаза, и в них не было ни одобрения, ни раздражения. Только безразличие, облачённое в отличное воспитание.

— Паркет из местного дуба тоже рассыхается, графиня, — сказал он. — Я бы рекомендовал ясень из рощ южнее наших.

В другом конце стола раздался мелодичный смешок. Леди Эмили Торн прикрыла рот изящными пальчиками.

— Простите, ваша светлость, графиня. Это так, знаете ли, неожиданно. — Торн прикрыла свой розовый ротик ладошкой и отвела каштановую прядь на спину. — Вы говорите о паркете и детях, а я только что вспомнила старую примету. Если за ужином разбивается бокал, значит, одна из незамужних девушек скоро найдёт свою судьбу. — Она кокетливо наклонила голову. — Кажется, у маркизы Ферн только что откололся край. Это же считается?

Все посмотрели на смущённую девушку с рыжими волосами, которая в ужасе держала разбитый бокал. Её лицо моментально вспыхнуло от смущения ярким румянцем.

— Это она локтем толкнула! Я не хотела, но стукнуло краем о ножку светильника! Я не виновата! Надо аккуратнее.

— Ой, прости, я не заметила! — Эмили всплеснула ру-

ками с таким неподдельным смущением, что рыжая девица только сильнее покраснела и замолчала, чувствуя себя грубой и неловкой на фоне этой хрупкой невинности.

Но я видела, что ни смущения, ни наивности в позе и взгляде Эмили нет. Только холодный расчёт. Она не собиралась презентовать себя, как графиня Олиенти. Она действовала исподтишка, чужими руками и безжалостнее.

Я тут же переключилась на неё, пытаюсь предугадать пасть, которой Торн будет дискредитировать следующую конкурсантку. И тут взгляд Эмили, блуждающий в поисках новой мишени, наткнулся на Жюли.

Жюли тихонько изучала скатерть и молчала, как мы и договаривались. Она и так не могла быть конкуренткой кому бы то ни было. Но Торн решила иначе. Она нашла Ленорт идеальным объектом следующего удара.

Сердце заколотилось так громко, что я боялась — его услышат в зале. Каждая клетка тела кричала: «Не высовывайся! Сиди тихо!». Но Жюли была моей ответственностью и билетом к нормальной жизни. Просто к жизни.

На лице Эмили заиграла ухмылка предвкушения чужого провала. Она присмотрелась к служанке, разносившей десерт. Девушка металась с подносами, на которых колыхалась белоснежная масса, похожая на крем.

Торн проследила путь от столика для раздачи к гостям. Она кивала в такт

Вот оно. Мой пульс участился, ударяя в виски. Служанка,

чуть старше других, с жёсткой складкой у рта — не новичок. Она взяла тарелки с десертами, поставила их на поднос и двинулась в сторону Жюли.

Но не напрямую к столу, а по краю, вдоль стены — по пространству для обслуживающего персонала. Там и ходить удобнее, и замечают меньше. Так путь служанки проходил бы точно мимо Ленорт.

Всё было рассчитано: если подтолкнуть девушку с подносом, она «случайно» оступится и вывалит тарелки с липкой массой на платье баронессы. За этим последуют слёзы и паника.

Просто. Эффективно. И виновата неуклюжая служанка.

Я увидела это так чётко, что горло перехватило от предчувствия беды. У меня не было магии. Были только глаза и понимание, что действовать надо, не доказывая вину гостя, а предотвращая конфликт.

Служанка должна была пройти не только мимо Торн, но и рядом с моей нишей. В полумраке у стены я заметила высокий бронзовый светильник. Одна из трёх его загнутых ножек была повёрнута в мою сторону.

Тихо. Только бы не скрипнуло. Помня, что движения возле пола глаз хуже всего различает, я высунула ногу из-под штандарта и сдвинула светильник. Не сильно. Ровно настолько, чтобы его ножка легла прямо на линию шага служанки, перегораживая проход.

Девушка заметила преграду, мягко затормозила, и, пере-

хватив поднос в сторону дальше от стола, изменила траекторию движения. Я не ставила ловушку. Я её предотвращала.

Служанка проскользнула мимо вдалеке от Торн. Она выставила десерты на стол без ущерба для нарядов и репутации. Эмили, наблюдавшая краем глаза, за происходящим, не дрогнула.

Её сладкая улыбка лишь на секунду окаменела, стала неподвижной, как маска. Затем она плавно отвела взгляд, будто ничего не произошло, и что-то сказала соседке. Но её пальцы чуть сильнее сжали ручку ножа.

Она не искала виноватых. Она злилась и меняла планы. Её глаза, тёплые и весёлые секунду назад, стали холодными и сканирующими. Они скользнули по слугам, по столу, по штандарту, закрывающему нишу.

Мне показалось, что она меня видит! Мне стало страшно, потому что разбирательства были бы точно не в мою пользу. Кто будет на стороне простолюдинки? Змея Торн или нет, она дворянка.

С этой мыслью я вжалась в каменную стену сильнее. У меня похолодели руки и на ладонях выступила липкая влага. Я даже дышать перестала от перспектив объясняться перед этим цветником.

В этот момент Дорн, к которому снова пристал Бомонт, поднял глаза от своей тарелки. Его взгляд, прямой и острый, как лезвие, прочертил линию через весь зал и упёрся прямо в меня, в мою темноту.

Он всё видел.

Наши глаза встретились. Я ждала гнева или неудовольствия. А получила едва заметное движение брови. Вверх. На миллиметр. И тут же — назад. Быстрее, чем моргнуть. Никто, кроме меня, этого не видел.

В этом микроскопическом движении брови я прочла всё. Не «молодец». Не «спасибо». А нечто большее. Профессиональное признание. «Увидел. Понял. Поддерживаю».

Мне даже показалось, что я это услышала, словно шёпот, сказанный мне на ухо. И с облегчением выдохнула, едва не сев от слабости в ногах, на пол.

Между нами натянулась и зазвенела невидимой струной нить единства. Он вёл свою партию в свете люстр. Я парировала удары в темноте. Мы были союзниками, молчаливо разделившими хаос на двоих.

Ужин продолжался. Но для меня началась настоящая война. В ней моим оружием была не магия, а умение видеть истинные намерения за сладкими улыбками. Тактикой — предотвращение коварных планов.

А моим странным, молчаливым союзником — сам объект этой безумной охоты, который, казалось, ценил мою тихую войну больше, чем все громкие слова за столом.

И он продолжал меня тревожить. Потому что теперь он знал обо мне гораздо больше, чем мне бы хотелось.

Голод

Ужин закончился, едва Дорн встал на ноги. Претендентки повскакивали с мест и обступили его разноцветной стайкой. Дорн метнул взгляд в мою сторону и повёл девушек из зала.

Теперь началось время слуг. Они громко топали, прикрикивали друг на друга и гремели посудой. Сдвигали мебель и светильники. Когда в зале стало особенно многолюдно, я выскользнула из ниши за спиной двух кухонных работников.

Чтобы не привлекать внимания, достала из кармана платок. Если бы меня заметили, объяснила бы, что госпожа обронила и послала за пропажей. Но на меня даже не взглянули.

Склонив голову, я прошмыгнула к двери в коридор. От долгого стояния в нише я окоченела. Стараясь незаметно растирать руки и двигаться чуть дальше отводя руки и ноги, чтобы поскорее избавиться от скованности, двинулась в сторону кухни, но с господской стороны.

В животе не просто урчало и тянуло. Там уже ныло от голода. Есть хотелось так, что в висках стучало, а перед глазами начинало плыть марево, но уже не от свечей, а от низкого уровня глюкозы. В институте у меня было так же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.